

УДК 159.9.99

Переживание вины постпенитенциарной личностью с позиции оценки риска рецидива преступления

Евгения Геннадьевна Зуева

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
zueva.eg@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7944-8796

Аннотация

Введение. В статье рассматривается проблема переживания моральных эмоций вины, а также ее составляющих – совести и стыда – с позиции оценки риска рецидива преступления. Именно эмоции вины, совести и стыда могут представлять собой важнейший ресурс процесса ресоциализации в связи с их возможностью оказания влияния на ценностно-смысловой выбор постпенитенциарной личности. **Методы.** В статье применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, анализ нормативных правовых актов и литературных источников. **Результаты.** Рассмотрены существующие модели оценки риска рецидивов, позволяющие оценить, насколько вероятен риск совершения повторных правонарушений, и разработать программу ресоциализации постпенитенциарной личности. Отмечается, что в последние десятилетия наибольшую популярность приобрела модель RNR, которая основана на оценке риска и потребностей постпенитенциарной личности, доказала свою эффективность многочисленными исследованиями, проводимыми за рубежом. При этом в последнее время наблюдается тенденция учета сильных сторон (ресурсов личности), обусловленная влиянием разработок позитивной психологии. В связи с чем рассматриваются инструменты оценки риска рецидивов четырех поколений – от клинической оценки до профессионального структурированного суждения с учетом факторов риска, потребностей и сильных сторон. Анализируются особенности переживания вины, совести и стыда в представленных инструментах. Приводятся результаты зарубежного опыта, в которых установлена взаимосвязь вины, совести и стыда с совершаемыми преступлениями. Делается вывод о том, что в системе уголовных наказаний и пробации Российской Федерации возникает необходимость оценки риска рецидивов. При этом учет переживаний вины и ее составляющих – совести и стыда – позволит осуществить глубокую оценку постпенитенциарной личности и более эффективно выстроить программу ресоциализации.

Ключевые слова

вина, совесть, стыд, постпенитенциарная личность, оценка, риск, рецидив, преступление

Для цитирования: Зуева, Е. Г. (2025). Переживание вины постпенитенциарной личностью с позиции оценки риска рецидива преступления. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 372–385.

The experience of guilt by post-penitentiary personality from the perspective of assessing the risk of recidivism

Evgeniya G. Zueva

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

zueva.eg@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7944-8796

Abstract

Introduction. The article deals with the problem of experiencing moral emotions of guilt, as well as its components – conscience and shame – from the perspective of assessing the risk of recidivism. The emotions of guilt, conscience and shame can be the most important resource in the process of resocialisation due to their ability to influence the value-semantic choices of post-penitentiary individuals. **Methods.** The author used general scientific research methods aimed at collecting, analysing, systematising and summarising data, as well as analysing normative legal acts and literary sources. **Results.** Existing models for assessing the risk of recidivism, which make it possible to evaluate the likelihood of repeat offences, were examined and a programme for the resocialisation of post-penitentiary individuals was developed. It is noted that in recent decades, the RNR model, based on assessing the risk and needs of post-penitentiary individuals, has gained the most popularity and has proven its effectiveness in numerous studies conducted abroad. At the same time, there is a recent trend towards considering strengths (personal resources), influenced by developments in positive psychology. In this regard, four generations of relapse risk assessment tools are considered, ranging from clinical assessment to professional structured judgement, considering risk factors, needs and strengths. The features of experiencing guilt, conscience and shame in the presented instruments are analysed. The results of foreign experience are given, in which the correlation between guilt, conscience and shame and crimes committed is established. It is concluded that there is a need to assess the risk of recidivism in the criminal punishment and probation system of the Russian Federation. At the same time, taking into account feelings of guilt and its components, conscience and shame, will allow for a thorough assessment of the post-penitentiary personality and a more effective resocialisation programme.

Keywords

guilt, conscience, shame, post-penitentiary personality, assessment, risk, recidivism, crime

For citation: Zueva, E. G. (2025). The experience of guilt by post-penitentiary personality from the perspective of assessing the risk of recidivism. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 372–385.

Введение

В соответствии с принятием Федерального закона «О пробации» , регулирующего вопросы социальной адаптации, ресоциализации и интеграции в общество лиц, в отношении которых осуществляется пробация, актуальной проблемой становится разработка технологий превенции, инструментов оценки и прогнозирования рецидивных преступлений (Andrews, Bonta, & Wormith, 2011).

В настоящее время мы становимся свидетелями и участниками появления нового научного проекта в сфере юридической психологии и психологии безопасности, направленного на реализацию принципа гуманизации системы постпенитенциарной политики государства. Смысл гуманистического поворота состоит в переключении усилий правоохранительных институтов с купирования рисков и угроз рецидивных преступлений на проектирование социально-психологических, морально-нравственных условий в целях стимулирования процесса конструктивного самоизменения постпенитенциарной личности. Другими словами, планируется делать акцент на оказание поддержки и помощи личности, у которой удалось побудить мотивацию к построению нового образа будущего. В связи с этим одной из задач психологического сопровождения постпенитенциарной личности является разработка методов актуализации переживаний вины, а также ее элементов – совести и стыда. Именно эмоции вины, совести и стыда могут представлять важнейший ресурс процесса ресоциализации. Так называемые моральные эмоции – вина, совесть и стыд – из-за их предполагаемой роли в поощрении альтруистического поведения и подавлении антисоциальных интенций поведения представляют возможность оказания влияния на ценностно-смысловой выбор постпенитенциарной личности.

Одним из принципов пробации, в соответствии с Федеральным законом «О пробации», является учет индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей. На основании данного принципа можно выстраивать прогнозирование рецидивов и разрабатывать конкретные программы ресоциализации.

В специальной литературе статус лиц, ранее совершивших преступления и отбывавших наказание в местах лишения свободы, определяется преимущественно в контексте права: преступник, рецидивист, лицо, в отношении которого осуществляется пробация. В соответствии со ст. 18 УК РФ под рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление¹.

В нашем исследовании используется понятие «постпенитенциарная личность», которой атрибутируются известные свойства индивида как личности: система ролей, отношений, смыслов, идеалов, уникальность жизненного пути. В связи с тем, что реинтеграция и реадаптация постпенитенциарной личности осуществляются в условиях ускоренной социокультурной динамики, радикальных изменений картины мира, взаимодействия человека с обществом, необходимо говорить не столько об актуализации имеющегося у него личностного адаптивного потенциала, сколько о проектировании новой личной идентичности, устремленной в будущее. Таким образом, постпенитенциарная личность рассматривается с точки зрения возможных трансформаций вины, изменений смысло-жизненных ориентаций и самопроектирования своего будущего. С этой позиции и осуществляются оценка и прогнозирование риска рецидива постпенитенциарной личности.

Методы

В статье применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, анализ нормативных правовых актов и литературных источников.

Гипотезой нашего исследования выступило предположение о связи моральных эмоций вины, совести и стыда с вероятным совершением рецидива преступления постпенитенциарной личностью.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (1996). Система информационно-правового обеспечения «Гарант» (ред. от 31.07.2025).

Результаты

Для осмысления возможностей оценки и прогнозирования уровня рецидивов постпени-тенциарной личности в контексте переживаний вины рассмотрим существующие модели, позволяющие оценить, насколько вероятен риск совершения повторных правонарушений, и разработать программу ресоциализации. С этой целью следует рассмотреть зарубежный опыт оценки риска рецидивов, применяющийся в практике службы пробации.

Прогностические модели и оценка риска повторных преступлений лиц, в отношении которых осуществляется пробация, выстраиваются на основе принципов RNR. Разработчики этой модели (Andrews, Bonta, & Wormith, 2011) утверждают, что надежная и достоверная оценка является основой эффективного надзора. Оценка необходима для того, чтобы выстроить эффективную программу реабилитации в отношении поднадзорных лиц. В соответствии с данными положениями помощь, в том числе психологическая, и уровень предоставляемых услуг должны быть сопоставимы с уровнем риска, т. е. чем выше уровень риска, тем значительнее комплекс предоставляемых мероприятий. Таким образом, учет данных принципов позволяет выстраивать эффективную программу ресоциализации.

Зарубежные авторы отмечают, что большинство исследований посвящено оценке факторов риска рецидивов (Andrews & Bonta, 1994). Модель, предложенная Good Lives Model (GLM) под влиянием разработок в области позитивной психологии, в отличие от когнитивно-поведенческой / социальной структуры обучения, которая была основой программ, ориентированных на RNR, представляет собой новую теорию реабилитации, принципы которой могут быть применены множеством способов (Looman & Abracen, 2013).

Авторы теории и модели GLM (Ward, Yates, & Willis, 2012) критикуют модель оценки риска-потребности и утверждают, что она не учитывает роль личной идентичности в процессе изменения. При этом модель GLM способствует укреплению сильных сторон, навыков и способностей, а не подавлению негативного поведения (Ward & Stewart, 2003).

Несмотря на возрастающую ценность сильных сторон в прогнозировании рецидивов, практическое применение сильных сторон при планировании дел все еще находится на стадии становления. Оба подхода (снижение риска и усиление сильных сторон) могут дополнять друг друга и применяться одновременно. Несмотря на то что включение сильных сторон повышает ценность оценки и планирования дела, акцент на сильные стороны не должен заменять мероприятия, направленные на снижение риска. Нам кажется, что учет сильных сторон постпени-тенциарной личности в процессе ресоциализации играет важную роль в связи с тем, что позволяет раскрыть ресурсный потенциал личности и возможности позитивных изменений.

Рассмотрим более подробно существующие инструменты оценки риска рецидивов. Ведущие инструменты криминального риска / потребностей имеют степень точности прогнозирования повторных правонарушений от низкой до высокой, которая может варьироваться в зависимости от характеристик и условий. Результат оценки риска / потребностей, который классифицирует субъектов как низкого риска, не является гарантией того, что он воздержится от рецидива, точно так же, как результат, который классифицирует субъектов как высокой степени риска, не является гарантией того, что субъект совершит рецидив. На практике иногда осужденные с низким уровнем риска совершают рецидив, а осужденные с высоким риском нет. Таким образом, динамические факторы могут быть изменены в стороны увеличения или уменьшения риска.

Рассматривая факторы риска с точки зрения темпоральности, можно условно разделить их на относительно статичные и динамические. Однако темпоральное пространство, включая в свою структуру факты биографии или истории личности, может получать источник изменений, расположенный именно в прошлом. Многие психологические образования

как раз и обладают исторической динамикой, так как определяют поступки человека в настоящем. Например, криминальная история может получить продолжение при встрече личности со своими бывшими подельниками. В этом смысле ее (криминальную биографию) можно отнести к динамичному фактору. Динамические факторы, известные как криминогенные факторы, включают также и преступные установки к антиобщественному поведению. Таким образом, риск рецидива может увеличиваться или уменьшаться с точки зрения темпоральности, поэтому необходимо оценивать криминальный риск в зависимости от колебаний и силы влияния динамических факторов на постпенитенциарную личность.

Проблема прогнозирования рецидивизма имеет почти столетнюю историю (Andrews & Bonta, 1995) и включает четыре поколения. Первое поколение прогнозов включает клиническую экспертизу. Как правило, специалисты-клиницисты проводят собеседование с постпенитенциарной личностью в относительно неструктурированном формате и могут просматривать файлы пациентов и психологические материалы. Основным критерием в этих оценках первого поколения являлось «внутреннее чутье» клинициста. Хотя этот подход имеет значительную внешнюю валидность, ему не хватает фактической прогностической достоверности (особенно по сравнению со статистическими методами).

Этот и последующие актуарные методы представляют собой инструменты оценки рисков второго поколения. Несмотря на то что они основаны на фактических данных, актуарные методы отличаются от инструментов третьего поколения (обсуждаемых ниже) тем, что не основаны на теории и почти полностью состоят из статических факторов риска. Второе поколение не отдает должное программам реабилитации постпенитенциарных личностей с точки зрения их эффективности в снижении уровня преступности в будущем.

Инструменты оценки третьего поколения учитывают также криминогенные потребности постпенитенциарных личностей (динамические факторы), чтобы помочь изменить будущее поведение и впоследствии снизить риск; т. е. они предоставляют целевой список факторов, которые могут снизить будущий рецидивизм на индивидуальном уровне. В отличие от инструментов второго поколения они предполагают, что поведение изменчиво и что правонарушителей можно исправить посредством воздействия и изменения окружающей среды (обсуждается ниже). Инструменты третьего поколения по рискам и потребностям были разработаны в целях распределения ресурсов для надзора и вмешательства и, таким образом, направлены на обе эти сферы.

Инструменты четвертого поколения определяют области, в которых необходимо изменить стратегии вмешательства (исправления), чтобы снизить уровень риска. Они также учитывают особые факторы реагирования, которые помогают выстроить программу ресоциализации, беря в расчет ее предельные возможности.

Таким образом, зарубежный опыт инструментов оценки риска повторных правонарушений включает четыре поколения и учитывает как общий уровень оценки риска рецидивизма, так и вероятность рецидива в зависимости от специфики совершенного преступления.

Инструменты оценки риска насилия в судебной психиатрии ранее традиционно были сосредоточены исключительно на факторах риска. Учет возможностей позитивной психологии позволил создать основанный на сильных сторонах подход к воздействию и в оценке риска насилия: были включены защитные факторы, т. е. ресурсные характеристики личности, которые учитывает структурированная оценка факторов защиты от риска насилия (SAPROF) (Robbé, de Vogel, & de Spa, 2011).

В русле позитивной психологии создано инновационное направление ресоциализации (вмешательства) не только в общей психиатрии, но и в судебной психиатрии. Поощрение здорового образа жизни у психически больных пациентов и их окружения может внести ценный

вклад в процесс лечения и реинтеграции. Поэтому воздействие, направленное на снижение рецидивизма насилия, должно быть сосредоточено не только на уменьшении факторов риска, но и на укреплении защитных факторов (De Vogel et al., 2011; Ullrich & Coid, 2009). Подходы, основанные на сильных сторонах, принимаются исследователями, которые ищут обнадеживающие позитивные альтернативы подходу, ориентированному исключительно на риск.

Более того, связь этого позитивного профилактического подхода со структурированной оценкой личных и ситуативных сильных сторон при оценке риска до начала данного столетия фактически не существовала.

SAPROF состоит из двух статических и пятнадцати динамических защитных факторов, организованных в три шкалы в соответствии с их общим фоном: внутренние факторы (например, совладание, самоконтроль), мотивационные факторы (например, работа, отношение к власти) и внешние факторы (например, социальная сеть, профессиональная помощь).

Краткосрочная оценка риска (START) (Webster et al., 2009) представляет собой клиническое руководство по динамической оценке краткосрочных рисков. Представленные в руководстве 20 динамических пунктов должны быть одновременно закодированы по двум трехбалльным шкалам: сначала как сильная сторона, затем как риск, START предназначен для использования для краткосрочных оценок острого риска и повторяется два раза в месяц. В недавних исследованиях шкала сильных сторон START (общий балл сильных сторон всех пунктов) показала, что является прогнозирующим фактором меньшего насилия в краткосрочной перспективе и успешной реинтеграции в общество (Wilson et al., 2010).

Для того чтобы программы ресоциализации, направленные на усиление защитных факторов, были значимыми, необходимо иметь возможность оценить наличие защитных факторов, которые эмпирически связаны со снижением риска насилия.

Контрольный список психопатии – пересмотренный (PCL-R) – представляет собой клиническую рейтинговую шкалу из 20 пунктов (для применения которой требуется специалист с клинической подготовкой), предназначенную для оценки черт личности и поведения, связанных с психопатией. Состоит из четырех кластеров: первый оценивает межличностные проблемы; второй оценивает эмоциональные проблемы; третий оценивает проблемы образа жизни, а четвертый – антисоциальные проблемы. Интересно, что PCL-R редко обсуждается как принадлежащий к какому-либо конкретному поколению инструментов оценки рисков (хотя D. A. Andrews, J. Bonta, J. S. Wormith (Andrews, Bonta, & Wormith, 2011) считают его инструментом второго поколения), из-за того, что (в отличие от других мер) он был разработан не как инструмент прогнозирования риска, а скорее, как инструмент диагностики психопатии. Соответственно, основное внимание уделяется измерению личностных качеств, которые коррелируют с общим рецидивизмом, включая психопатию. Метааналитический обзор (Gundreau, Little, & Goggin, 1996) показал, что PCL-R является значимым предиктором общего рецидивизма и статистически эквивалентен LSI-R и Висконсину. Исследование выявило среднюю корреляцию 0,28 между PCL-R и общим рецидивизмом.

LSI-R – это теоретически обоснованный инструмент оценки рисков и потребностей третьего поколения (Andrews & Bonta, 1995). Он содержит 54 пункта и 10 подшкал: «Криминальная история», «Образование и занятость», «Финансы», «Семья / Брак», «Проживание», «Досуг и отдых», «Друзья», «Алкоголь и наркотики», «Эмоциональный / Личный» (особенности эмоциональной сферы и возможные расстройства личности с целью определить степень вмешательства (реабилитации) и «Прокриминальная ориентация».

К возможностям LSI-R LS/CMi добавлен также раздел обозначений «сильных сторон», позволяющий практикам измерять защитные факторы.

COMPAS, являющийся инструментом оценки рисков четвертого поколения, состоит из нескольких подшкал: причастность к преступлению, история несоблюдения требований, история насилия, текущее насилие, сообщники преступников, злоупотребление психоактивными веществами, финансовые проблемы, профессиональная или образовательная деятельность, криминальные отношения, семейная преступность, социальная среда, досуг, нестабильность места жительства, антисоциальная личность и социальная изоляция.

COMPAS был разработан для оценки риска рецидива насилия, общего рецидива. T. Brennan, W. Dieterich, B. Ehret (Brennan, Dieterich, & Ehret, 2009) обнаружили, что COMPAS имел более высокую прогностическую ценность для преступлений против личности и уголовных преступлений, чем для категории любого нового преступления.

Таким образом, по результатам анализа инструментов оценки риска рецидивов следует отметить, что сегодня технологии оценки развиваются, включают в себя помимо факторов риска сильные стороны, которые являются значительным ресурсом для ресоциализации постпентенциарной личности. Помимо факторов риска в опросники также включаются другие показатели, выраженность которых может быть предиктором совершения рецидивов, например, шкалы гнева, агрессии, психопатии.

Однако остается без внимания оценка рисков рецидивов в контексте переживания вины. Как ранее было отмечено, стыд, вина и совесть участвуют в подавлении аморального, социально нежелательного поведения и в поощрении альтруистического, просоциального поведения. Соответственно, следует рассмотреть исследования, затрагивающие особенности переживания вины, совести и стыда, а также их влияние на преступное поведение.

Несмотря на то что понятия вины и стыда, а также совести постоянно рассматриваются в различных социально-этических теориях и при изучении психопатологии, количество эмпирических исследований значительно отстает от теории. Ключевым фактором, задерживающим систематические эмпирические исследования этих эмоций, является проблема измерения, а именно необходимость наличия психометрических единиц измерений вины и стыда (Nathanson, 1992). Оценивая существующие работы, мы сталкиваемся с двумя проблемами: проблемой используемых определений чувств вины, стыда и совести, а также с тем, насколько хорошо эти определения позволяют провести операционализацию рассматриваемых феноменов.

Зарубежными исследователями создан и функционирует методический инструментарий, направленный на исследование вины. Ряд методик адаптирован российскими учеными. Например, «Опросник вины» К. Куглер, У. Х. Джонс; «Измерение чувства вины и стыда» (Test of Self-Conscious Affect (TOSCA, 1989) (Белик, 2006). Однако некоторые методики не дифференцируют понятия вины и стыда (Janda & Bazemore, 2011), вследствие чего получаемые результаты не позволяют выяснить специфическую роль чувства вины и стыда в различных аспектах психологического и социального функционирования.

Диагностика вины и чувства раскаяния также анализируется в процессе оценки риска повторных правонарушений, применяемой в службе пробации зарубежных стран. Например, в инструменте оценки риска повторных правонарушений LSI-R (Level of Service Inventory-Revised), в разделе «Ориентация / отношения» содержатся пункты отношения к совершенному преступлению и к жертвам преступления: «Как вы относитесь к совершенным вами преступлениям? Вы думаете, что это было неправильно? Вы сочувствуете жертвам ваших преступлений?» (Andrews & Bonta, 1995).

Клинические наблюдения, а также эмпирические исследования показывают, что когда люди испытывают чувство вины за определенное поведение, у них появляется мотивация признать свои ошибки и исправить их. Если они сочувствуют жертвам своих проступков, то с большей

вероятностью они будут нести ответственность и стараться исправить ситуацию (Tangney et al., 1996). Это указывает на очевидную взаимосвязь моральных эмоций с правонарушениями.

В рамках данной темы интересен зарубежный опыт исследования на примере выборки осужденных с применением Test of Self Conscious Affect –Socially Deviant Version (TOSCA-SD) (Tangney et al., 1996) на предмет оценки склонности преступников к совершению преступлений, стыду и чувству вины (Tangney et al., 2011). По результатам проведенного исследования был выявлен ряд взаимосвязей, различающих вину и стыд. Вина часто мотивирует восстановительные действия, т. е. направленные на созидание, а стыд мотивирует попытки отрицания виновности и избегания наказания (Tangney et al., 1996 и др.). Склонность к чувству вины положительно связана с эмпатией, ориентированной на других, тогда как склонность к стыду либо не связана, либо отрицательно связана с эмпатией (Tangney, 1991). Склонность к чувству вины отрицательно коррелировала с агрессивным отношением (враждебностью), тогда как склонность к стыду положительно коррелировала с агрессивным отношением. Склонность к стыду была положительно связана с проблемами алкоголя и наркотиков и тюремным заключением. Склонность к вине была отрицательно или незначительно связана с проблемами алкоголя и наркотиков, а также с симптомами зависимости. В общем плане эти результаты свидетельствуют о природе индивидуальных различий в склонности осужденных испытывать эти моральные эмоции, т. е. различия в склонности к стыду и вине среди осужденных, очевидно, имеют тот же психологический смысл, что и в выборках из сообщества.

Очевидно, что склонность к чувству вины является защитным фактором по отношению к тяжести преступлений, участию в системе уголовного правосудия и известным предикторам рецидивизма, а склонность к стыду положительно коррелирует с индексом потенциала насилия, антисоциальным индексом. Вина положительно связана с самоконтролем (чем более выражена вина, тем человек в большей степени себя контролирует). Склонность испытывать чувство вины не была связана со степенью криминального прошлого. Однако склонность к чувству вины, оцененная вскоре после тюремного заключения, отрицательно коррелировала с тяжестью текущих обвинений, предыдущим тюремным опытом, предыдущими судимостями за тяжкие преступления, уровнем содержания под стражей в тюрьме и актуарной оценкой содержания под стражей в тюрьме. Показатель самоконтроля положительно коррелировал со склонностью заключенных испытывать чувство вины и отрицательно коррелировал со склонностью осужденных к стыду (Tangney et al., 2011).

Анализ результатов эмпирических исследований показывает (Tangney et al., 2011), что склонность осужденных переживать чувство вины отрицательно коррелирует с мерами оценки риска и психологическими факторами, которые, как известно, предсказывают насильственный и ненасильственный рецидив преступности, включая оцененный специалистами показатель психопатии PCL:SV и Руководство по оценке риска насилия (VRAG).

Лица с более высокой склонностью к переживанию чувства вины также продемонстрировали более низкий уровень антисоциальной наклонности личности, криминогенных познаний и имели более низкие баллы по Индексу потенциала насилия (VPI) PAI. Склонность осужденных к переживанию чувства вины, оцененная вскоре после освобождения, отрицательно коррелировала с тяжестью текущих обвинений, предыдущим тюремным опытом, предыдущими судимостями за тяжкие преступления и уровнем содержания под стражей в тюрьме (Tangney et al., 2011).

Исследователи также указывают, что склонность к стыду не была связана с тяжестью текущих обвинений, предыдущим тюремным опытом и уровнем содержания под стражей в тюрьме (Tangney et al., 2011). Склонность к стыду «без вины» отрицательно коррелировала с историей преступлений. Склонность к стыду была связана со злоупотреблением психоактивными

веществами, импульсивностью и криминогенными моделями мышления, но не с психопатией. Психопатия, личностная совокупность, которая объясняет значительные различия в предшествующих переменных уголовного правосудия, возможно, ослабила любую связь между склонностью к стыду и преступным поведением в этой гетерогенной выборке. Эмпирические исследования с участием лиц, не совершивших преступлений, показывают, что стыд и вина не являются одинаково «моральными» эмоциями.

Проведенные исследования зарубежных авторов подчеркивают значимость переживаний вины как защитных факторов в отношении рецидивов преступлений, т. е. сильных сторон постпенитенциарной личности, учет которых позволяет более эффективно выстроить программу ресоциализации. Однако, анализируя проведенные исследования о взаимосвязи вины и стыда с совершаемыми преступлениями, следует отметить связи вины и стыда с различными социальными, уголовно-правовыми и психологическими характеристиками, а в некоторых случаях даже противопоставление вины и стыда. Анализируется также склонность к стыду без вины. Мы не согласны с этим, так как вина и стыд действуют комплексно, выполняя тормозящую функцию в отношении возможных преступлений.

Теория реинтегративного стыда (RST; Braithwaite, 1989) подчеркивает полезность реинтегративного стыда (в отличие от «дезинтегративного» стыда), хотя систематических эмпирических исследований было немного (Harris, 2006). Большая часть этих исследований фокусируется на результатах практики реинтегративного стыда правонарушителей. Такие исследования обычно не оценивают, действительно ли виновный человек испытывает вину и стыд, или связаны ли эти эмоции с последующим поведением, в том числе противоправным.

Полагаем, что употребление психоактивных веществ среди осужденных заслуживает особого внимания, учитывая чрезвычайно высокий уровень психических расстройств в связи с этим. В проведенном исследовании на выборке осужденных склонность к стыду была положительно связана как с проблемами алкоголя, так и с наркотиками, тогда как склонность к чувству вины была (менее последовательно) отрицательно связана с такими проблемами.

S. G. Тиббетс (Tibbets, 2003) обнаружил, что уголовные преступления студентов, индексированные по количеству противоправных действий (включая употребление наркотиков), были отрицательно связаны с предрасположенностью к чувству вины. Хотя мы рассматриваем проблемы взаимосвязи вины, совести и стыда с совершаемыми преступлениями постпенитенциарной личностью, т. е. рецидив преступлений, данные исследования также представляют интерес.

Отмечается, что склонность к переживанию чувства вины является защитным фактором, связанным с тяжестью преступления, участием в процедуре уголовного правосудия и известным предикторам рецидивизма, склонность к стыду положительно коррелирует с индексом потенциала насилия, антисоциальным индексом. Напротив, мало доказательств того, что склонность испытывать стыд выполняет тормозящую функцию. Вероятно, она положительно связана с множеством психологических проблем, рядом факторов риска рецидивизма, а в исследовании D. Hosser и др. (Hosser, Windzive, & Greve, 2008) – с самим рецидивизмом.

Tangney J. P., Stuewig J. отмечают, что эти исследования имеют значение для системы уголовного правосудия. Во-первых, что касается практики вынесения уголовных приговоров, исследователи решительно выступают против «стыдных» приговоров, призванных пристыдить и унижить преступников (Tangney & Stuewig, 2011). Стыд ассоциируется с результатами, прямо противоречащими общественным интересам – отрицанием ответственности, злоупотреблением наркотиками, психологическими симптомами, предикторами рецидивизма и самим рецидивизмом. Исследователи отмечают, что вместо поиска альтернативных типов

приговоров следовало бы рассмотреть санкции, направленные на поощрение конструктивного чувства вины, сосредоточивая лиц, совершивших преступления, на негативных последствиях их поведения, в частности на том, как их поведение влияет на их сообщества, друзей и их семьи. Приговоры к общественным работам, например, могут быть адаптированы к характеру преступления, подчеркивая ощутимые разрушения, вызванные преступлением, и предоставляя тем самым путь к исправлению. Следует отметить, что данные исследования не соотносятся с теорией реинтегративного стыда, так как связывают переживание стыда с чем-то негативным, безответственным и даже с рецидивом. Поскольку стыд соотносится с виной и не противоречит ей, переживание стыда влияет на исправление постпенитенциарной личности.

Эмпатия по-разному связана с эмоциями вины, совести и стыда. Доказано, что склонность к чувству вины позитивно коррелирует со шкалами обаяния и эмпатии, чувство стыда же, напротив, связано с тенденцией к центрированию на собственном дистрессе (Макогон, Ениколопов, 2015). В одном из исследований отмечается, что эмпатия является одной из составляющих совести, которая регулирует базовые и самосознательные эмоции и облегчает социальное взаимодействие (Aragno, 2008).

Вина генерирует механизм эмпатии, направленный на исправление и регулирование поведения, и побуждает внутреннее волнение. Исследования убедительно показывают отрицательную связь между чувством вины и противоправным деянием (Tangney et al., 2011); адекватно сформированное чувство вины является эффективной превентивной мерой совершения противоправных деяний.

В метаанализах (Jolliffe & Farrington, 2004) и (Van Langen et al., 2014) была обнаружена связь между низкой эмпатией и противоправным деянием, с большей величиной эффекта для когнитивной эмпатии, чем для аффективной эмпатии. Однако связь между низкой эмпатией и противоправным деянием зависит от интеллекта и социально-экономического статуса и таким образом должна контролироваться с учетом этих факторов.

Имеются исследования, выявляющие различную роль чувств вины и стыда в рискованном и девиантном поведении (Макогон, Ениколопов, 2015). Выявлено, что вина отрицательно связана с антисоциальным и рискованным поведением, тогда как стыд позитивно коррелирует с намерениями к противозаконному поведению. Таким образом, эмпирические исследования сходятся в том, что чувство вины, в отличие от чувства стыда, актуализирует мотивацию выбора морального пути в жизни, побуждает человека брать на себя ответственность и занимать конструктивную позицию в соответствующих ситуациях. Мы не согласны с подобными выводами, поскольку в соответствии с теорией реинтегративного стыда переживание стыда связано с ответственностью за совершенные проступки.

В социальной психологии активно изучаются феномены коллективных, или викарных («vicarious»), чувств вины и стыда – чувств, переживаемых в ответ на проступки других индивидов. В своем исследовании Lickel, Schmader и др. (Lickel et al., 2005) представили доказательства того, что коллективное чувство стыда чаще всего появляется в ситуации, когда возникает угроза групповой идентификации, т. е. когда речь идет о поддержании позитивной групповой идентификации (Макогон, Ениколопов, 2015).

Таким образом, переживание вины, стыда и совести объединяет ответственность за совершаемые проступки постпенитенциарной личностью и выступает важным ресурсом для их изменения.

Заключение

В системе уголовных наказаний и пробации Российской Федерации возникает необходимость оценки риска рецидивов. Рассмотренные инструменты оценки рисков рецидивов

отражают в большей степени внешнюю оценку сотрудниками различных показателей (факторов) постпенитенциарной личности. При этом практически отсутствует внутренняя оценка постпенитенциарной личности. Включение аспектов переживания вины, а также ее составляющих – совести и стыда – позволит осуществить глубокую оценку личности и более эффективно выстроить программу ресоциализации.

Проведенный анализ отечественных и зарубежных исследований подтверждает гипотезу авторов о связи моральных эмоций вины, стыда и совести с возможностью совершения рецидива постпенитенциарной личности. Однако ряд исследователей акцентирует внимание на одном лишь элементе, забывая о том, что моральные эмоции действуют целостно.

Результаты исследований пенитенциарных психологов доказывают следующую тенденцию: чем ниже способность человека к переживанию эмоций и чувств, тем выше у него уровень сопротивления процессам исправления и перевоспитания, а значит, выше уровень рецидива преступности.

Список литературы

- Белик, И. А. (2006). *Чувство вины в связи с особенностями развития личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук.* Санкт-Петербург.
- Макогон, И. К., Ениколопов, С. Н. (2015). Апробация методики измерения чувств вины и стыда (Test of self-conscious Affect-3 - TOSCA-3) Tangney J. P., Dearing R. L., Wagner P. E., Gramzow R. H. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 1, 6–19.
- Andrews, D. A., & Bonta, J. (1994). *The psychology of criminal conduct*. Cincinnati, OH: Anderson.
- Andrews, D. A., & Bonta, J. (1995). *The level of service inventory-revised*. Toronto, Ontario, Canada: Multi-Health Systems.
- Andrews, D. A., Bonta, J., & Wormith, J. S. (2011). The Risk-Need-Responsivity (RNR) mode: Does adding the good lives model contribute to effective crime prevention? *Criminal Justice and Behavior*, 38, 735–755.
- Aragno, A. (2008). The language of empathy: An analysis of its constitution, development, and role in psychoanalytic listening. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 56, 713–740.
- Brennan, T., Dieterich, W., & Ehret, B. (2009). Evaluating the predictive validity of the COMPAS risk and needs assessment system. *Criminal Justice and Behavior*, 36 (1), 21–40.
- De Vries Robbé, M., de Vogel, V., & de Spa, E. (2011). Protective factors for violence risk in forensic psychiatric patients. A retrospective validation study of the SAPROF. *International Journal of Forensic Mental Health*, 10, 178–186.
- De Vogel, V., de Vries Robbé, M. C., de Ruiter, Y., & Bouman, H. A. (2011). Assessing Protective Factors in Forensic Psychiatric Practice: Introducing the SAPROF. *International Journal of Forensic Mental Health*, 10 (3), 171–177.
- Gendreau, P., Little, T., & Goggin, C. (1996). A meta-analysis of the predictors of adult offender recidivism: What works! *Criminology*, 3 (4), 575–607.
- Harris, N. (2006). Reintegrative shaming, shame, and criminal justice. *Journal of Social Issues*, 62, 327–346.
- Hosser, D., Windzio, M., & Greve, W. (2008). Guilt and shame as predictors of recidivism: A longitudinal study with young prisoners. *Criminal Justice and Behavior*, 35, 138–152.
- Janda, L. H., & Bazemore, S. D. (2011). The Revised Mosher Sex-Guilt Scale: its psychometric properties and a proposed ten-item version. *J Sex Res.*, 48 (4), 392–396.
- Jolliffe, D., & Farrington, D. J. (2004). Empathy and offending: A systematic review and metaanalysis. *Aggression and Violent Behavior*, 9, 441–476.
- Lickel, B., Schmader, T., Curtis, M., & Scarnier, M. (2005). Vicarious shame and guilt. *Group Process. Intergroup Relat*, 8, 145–147.

- Looman, J., & Abracen, J. (2013). The Risk Need Responsivity model of offender rehabilitation: is there really a need for a paradigm shift? Correctional Service of Canada. *International journal of behavioral consultation and therapy*, 8, 3–4.
- Nathanson, D. L. (1992). *Shame and Pride: Affect, Sex, and the Birth of Self*. New York: Norton.
- Schalkwijk, F., Stams, G. J., Stegge, H., Dekker, J., & Peen, J. (2016). The conscience as a regulatory function: Empathy, shame, pride, guilt, and moral orientation in delinquent adolescents. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 60 (6), 675–693.
- Tangney, J. P. (1991). Moral affect: The good, the bad, and the ugly. *Journal of Personality and Social Psychology*, 61, 598–607.
- Tangney, J. P., Miller, R. S., Flicker, L., & Barlow, D. H. (1996). Are shame, guilt and embarrassment distinct emotions? *Journal of Personality and Social Psychology*, 70, 1256–1269.
- Tangney, J. P., & Stuewig, J. (2011). Shame, guilt and remorse: implications for offender populations. *The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*, 22 (5), 706–723.
- Tangney, J. P., Stuewig, J., Mashek, D., & Hastings, M. (2011). Assessing Jail Inmates' Proneness To Shame and Guilt: Feeling Bad About the Behavior or the Self? *Crim Justice Behav*, 38 (7), 710–734.
- Tibbetts, S. G. (2003). Self-conscious emotions and criminal offending. *Psychological Reports*, 93, 101–126.
- Ullrich, S., & Coid, J. W. (2011). Protective factors for violence among released prisoners - Effects over time and interactions with static risk. *Journal of Consulting Clinical Psychology*, 79 (3), 381–390.
- Van Langen, M. A. M., Wissink, I. B., van Vugt, E. S., van der Stouwe, T., & Stams, G. J. J. M. (2014). The relation between empathy and offending: A meta-analysis. *Aggression and Violent Behavior*, 19, 179–189.
- Ward, T., & Stewart, C. A. (2003). The treatment of sex offenders: Risk management and good lives. *Professional Psychology: Research and Practice*, 34, 353–360.
- Ward, T., Yates, P., & Willis, G. (2012). The good lives model and the risk need responsivity model: A critical response to Andrews, Bonta, and Wormith. *Criminal Justice and Behavior*, 39, 94–110.
- Webster, C. D., Martin, M., Brink, J., Nicholls, T. L., & Desmarais, S. L. (2009). *Manual for the Short Term Assessment of Risk and Treatability (START) (Version 1.1)*. Coquitlam, Canada: British Columbia Mental Health & Addiction Services.
- Wilson, C. M., Desmarais, S. L., Nicholls, T. L., & Brink, J. (2010). The role of client strengths in assessments of violence risk using the Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START). *The International Journal of Forensic Mental Health*, 9, 282–293.

References

- Belik, I. A. (2006). *Chuvstvo viny v svyazi s osobennostyami razvitiya lichnosti: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk*. Saint Petersburg.
- Makogon, I. K., Enikolopov, S. N. (2015). Aprobatsiya metodiki izmereniya chuvstv viny i styda (Test of self-conscious Affect-3 - TOSCA-3) Tangney J. P., Dearing R. L., Wagner P. E., Gramzow R. H. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*, 1, 6–19.
- Andrews, D. A., & Bonta, J. (1994). *The psychology of criminal conduct*. Cincinnati, OH: Anderson.
- Andrews, D. A., & Bonta, J. (1995). *The level of service inventory-revised*. Toronto, Ontario, Canada: Multi-Health Systems.
- Andrews, D. A., Bonta, J., & Wormith, J. S. (2011). The Risk-Need-Responsivity (RNR) mode: Does adding the good lives model contribute to effective crime prevention? *Criminal Justice and Behavior*, 38, 735–755.

- Aragno, A. (2008). The language of empathy: An analysis of its constitution, development, and role in psychoanalytic listening. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 56, 713–740.
- Brennan, T., Dieterich, W., & Ehret, B. (2009). Evaluating the predictive validity of the COMPAS risk and needs assessment system. *Criminal Justice and Behavior*, 36 (1), 21–40.
- De Vries Robbé, M., de Vogel, V., & de Spa, E. (2011). Protective factors for violence risk in forensic psychiatric patients. A retrospective validation study of the SAPROF. *International Journal of Forensic Mental Health*, 10, 178–186.
- De Vogel, V., de Vries Robbé, M. C., de Ruiter, Y., & Bouman, H. A. (2011). Assessing Protective Factors in Forensic Psychiatric Practice: Introducing the SAPROF. *International Journal of Forensic Mental Health*, 10 (3), 171–177.
- Gendreau, P., Little, T., & Goggin, C. (1996). A meta-analysis of the predictors of adult offender recidivism: What works! *Criminology*, 3 (4), 575–607.
- Harris, N. (2006). Reintegrative shaming, shame, and criminal justice. *Journal of Social Issues*, 62, 327–346.
- Hosser, D., Windzio, M., & Greve, W. (2008). Guilt and shame as predictors of recidivism: A longitudinal study with young prisoners. *Criminal Justice and Behavior*, 35, 138–152.
- Janda, L. H., & Bazemore, S. D. (2011). The Revised Mosher Sex-Guilt Scale: its psychometric properties and a proposed ten-item version. *J Sex Res.*, 48 (4), 392–396.
- Jolliffe, D., & Farrington, D. J. (2004). Empathy and offending: A systematic review and metaanalysis. *Aggression and Violent Behavior*, 9, 441–476.
- Lickel, B., Schmader, T., Curtis, M., & Scarnier, M. (2005). Vicarious shame and guilt. *Group Process. Intergroup Relat*, 8, 145–147.
- Looman, J., & Abracen, J. (2013). The Risk Need Responsivity model of offender rehabilitation: is there really a need for a paradigm shift? Correctional Service of Canada. *International journal of behavioral consultation and therapy*, 8, 3–4.
- Nathanson, D. L. (1992). *Shame and Pride: Affect, Sex, and the Birth of Self*. New York: Norton.
- Schalkwijk, F., Stams, G. J., Stegge, H., Dekker, J., & Peen, J. (2016). The conscience as a regulatory function: Empathy, shame, pride, guilt, and moral orientation in delinquent adolescents. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 60 (6), 675–693.
- Tangney, J. P. (1991). Moral affect: The good, the bad, and the ugly. *Journal of Personality and Social Psychology*, 61, 598–607.
- Tangney, J. P., Miller, R. S., Flicker, L., & Barlow, D. H. (1996). Are shame, guilt and embarrassment distinct emotions? *Journal of Personality and Social Psychology*, 70, 1256–1269.
- Tangney, J. P., & Stuewig, J. (2011). Shame, guilt and remorse: implications for offender populations. *The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*, 22 (5), 706–723.
- Tangney, J. P., Stuewig, J., Mashek, D., & Hastings, M. (2011). Assessing Jail Inmates' Proneness To Shame and Guilt: Feeling Bad About the Behavior or the Self? *Crim Justice Behav*, 38 (7), 710–734.
- Tibbetts, S. G. (2003). Self-conscious emotions and criminal offending. *Psychological Reports*, 93, 101–126.
- Ullrich, S., & Coid, J. W. (2011). Protective factors for violence among released prisoners - Effects over time and interactions with static risk. *Journal of Consulting Clinical Psychology*, 79 (3), 381–390.
- Van Langen, M. A. M., Wissink, I. B., van Vugt, E. S., van der Stouwe, T., & Stams, G. J. J. M. (2014). The relation between empathy and offending: A meta-analysis. *Aggression and Violent Behavior*, 19, 179–189.
- Ward, T., & Stewart, C. A. (2003). The treatment of sex offenders: Risk management and good lives. *Professional Psychology: Research and Practice*, 34, 353–360.

- Ward, T., Yates, P., & Willis, G. (2012). The good lives model and the risk need responsivity model: A critical response to Andrews, Bonta, and Wormith. *Criminal Justice and Behavior*, 39, 94–110.
- Webster, C. D., Martin, M., Brink, J., Nicholls, T. L., & Desmarais, S. L. (2009). *Manual for the Short Term Assessment of Risk and Treatability (START) (Version 1.1)*. Coquitlam, Canada: British Columbia Mental Health & Addiction Services.
- Wilson, C. M., Desmarais, S. L., Nicholls, T. L., & Brink, J. (2010). The role of client strengths in assessments of violence risk using the Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START). *The International Journal of Forensic Mental Health*, 9, 282–293.

Информация об авторе

Евгения Геннадьевна Зуева – доцент кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

About the author

Evgeniya G. Zueva – Associate Professor at the Department of Legal Psychology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 22.04.2025

Одобрена после рецензирования 28.08.2025

Опубликована 28.10.2025

Submitted April 22, 2025

Approved after reviewing August 28, 2025

Accepted October 28, 2025